

УДК 811.161.1+811.58

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

© *Хуа Ли*

кандидат филологических наук, профессор,
Шанхайский политико-юридический университет
КНР, 200333, г. Шанхай, ул. Вай Цин Сун, 7898
E-mail: h.hua@yandex.ru

В статье красота рассматривается как базовый лингвокультурный концепт, анализ которого направлен на обнаружение репрезентативных культурных смыслов и коннотаций в русском и китайском художественном дискурсе. Автор считает, что в разнообразных индивидуальных рассуждениях о красоте в русских и китайских литературных текстах таится определенная "логика", которой свойственно национально-детерминированное философское осмысление и этнокультурные особенности, с которыми перекликается также народное представление об этом понятии, что дает основание рассматривать красоту в качестве базового лингвокультурного концепта. В статье выделяются пять, когнитивных признаков, важных для понимания красоты в качестве эстетической ценности: красота и порядок, красота и жизнь, красота и гармония, красота и страдание, красота и сила.

Ключевые слова: концепт; красота; художественный дискурс; русская литература; китайская литература; порядок; жизнь; гармония; страдание; сила.

Мы живём в век бурного развития информационных технологий, высокий темп жизни заставляет людей освоить как можно больше новой информации и стремиться добиться "сверхрезультатов". На этом фоне, к счастью, в обществе звучит призыв к "медленному чтению", к "перечитыванию классики" и обращению к традиционным духовным ценностям, чтобы у людей не исчез вкус к жизни, не пропало чувство прекрасного. В этой связи не будет лишним еще раз обратиться к осмыслению *красоты*, которая не теряет своей актуальности с того времени, когда человечество начало осознавать духовную потребность в этой ценности.

Н. А. Заболоцкий в известном стихотворении «Некрасивая девочка» задал вечный вопрос «*Что есть красота?*», к ответу на который стремилось большое количество философов, мыслителей, эстетов, пытавшихся заполнить этот волшебный «сосуд, в котором нустота». Этот вопрос является актуальным также для не равнодушных к красоте лингвистов, которые при помощи семантического анализа выясняют, что носители того или иного языка называют *красивым*, какие атрибуты часто присутствуют в национальном представлении о *красоте*? В нашей статье *красота* рассматривается как этнокультурный концепт, реконструкция которого направлена на обнаружение культурных коннотаций за этим именем.

Русские и китайские художественные произведения богаты высказываниями о красоте, что является ценным материалом для описания языковой картины мира и представлений о красоте.

Хотя в художественном дискурсе *красота* интерпретируется разнообразно и индивидуально, однако все-таки наблюдается определенная "логика", в основе которой лежит свойственное данной культуре философское осмысление и этнокультурные особенности, с которыми перекликается народное представление об этом понятии, что позволяет рассматривать *красоту* в качестве базового лингвокультурного концепта. Анализ собранных материалов позволяет нам определить, что для понимания *красоты* важны следующие отношения: *красота и порядок, красота и жизнь, красота и гармония, красота и страдание, красота и сила*.

1. Красота и порядок.

Понятие *красота* в первую очередь сопутствует идее *порядка, космоса*. Н. Г. Брагина полагает, что происхождение эстетической оценки происходило на этапе формирования космогонических представлений [Брагина 2004, с. 489].

Смысловые компоненты слова *космос* в греческом языке представляют согласованность *мирового порядка и красоты*. В мифах любой культуры о творении метафорически соединяется *космический порядок* с понятием *красоты*. Например, китайские мифы 大禹治水 (*легендарный правитель Да Юй обуздал воды потопа*), 女娲补天 (*богиня Нюйва починяет небосвод*). В этих мифах *тьма* и *хаос* взаимосвязаны с *беспорядком, деструкцией и дисгармонией*.

Это соотношение также замечается в литературных текстах, например: *Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия* (А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву); *...это порядок, красота, расчет каждого движения* (Ю. Н. Тынянов. Кюхля); *Везде порядок, чистота, красавость* (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум). Красота часто сочетается также с чистотой: *Что за диво! Все так чисто и красиво* (Сказка о мертвой царевне); *Ясность, чистота, красота. Может быть, это-то и поражает, и очаровывает* (О. А. Бессарабова. Дневник).

В русском языке эту связь закрепляют и устойчивые словосочетания, такие как *красота и совершенство мира, природы, вселенной...*; *красота земная, небесная*. И не удивительно, что *порядок* является первым требованием к красоте внешности человека, ср.: *приводить себя в порядок*.

В китайской традиционной философии мир функционирует в *организованности и строгом порядке*. В известнейшем китайском классическом романе «Сон в красном тереме» многие страницы посвящены описанию пейзажа садов и парков южного Китая, где *jing ran you xi* (*всё упорядочено*).

2. Красота и жизнь.

В русском языке наглядное представление о красивом человеке дают метафоры, почерпнутые из мира природы. Растительная метафора соотносит пору молодости с порой цветения: *цветущий вид, цветет и пахнет, наливное яблоко, в самом соку, свеж как огурчик* и др. Красота молодой и свежей девушки описывается через передачу эстетического удовольствия при созерцании: *цветочек, роза, бутон, персик, ягодка* и т. п. Устойчивые сочетания *атлетическое тело, богатырское тело, геркулесовое тело* применяются к сильному, здоровому мужчине, восприятие и осознание красоты происходит в сравнении красоты и здоровья.

В китайском языке самые частотные метафоры, употребляемые в описании красоты девушки, это *yu* (*нефрит*), *hua* (*цветы*), *bing* (*лёд*) и *yue* (*луна*). Цветы и красавицы сходятся в ярком цвете и мимолетности расцвета, ср.: *Цветок не цветет сто дней; Красота утрачивается со временем*. Китайский иероглиф 男 («мужчина») образуется сочетанием детерминативов — 田 (поле) и 力 (сила). Часто одного слова «мужчина» в качестве предиката уже хватает для эстетической оценки, ведь под самим словом «мужчина» подразумеваются все свойства *сильного пола*.

Красота с *молодостью* и *здоровьем* связываются именно жизненностью, жизненной силой. Соотнесенность *красоты* и *жизни* отмечается в мифологии и прослеживается в русских литературных текстах: *Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия* (И. Тургенев. Рудин).

Связь красоты человека с жизненными силами воспроизводится в языковых клише. В русском языке о женщине можно сказать: *прекрасна / красива как сама жизнь*,

страшна как смерть. В китайском языке встречается выражение с эстетической оценкой: *huo li zhan fang* (*Живая сила распускается*) .

И *блеск, сияние, пламя* — всё, что показывает жизнеутверждающее начало человека, усиливает его красоту, ср.: *Ромашов видел, как понемногу загорались жизнью и блеском и вновь становились прекрасными его голубые глаза* (Куприн. Поединок). *В эту минуту пламеневшее лицо его было прекрасно, как буря* (Лермонтов. Княгиня Лиговская). Красота человека может «отцветать». О женщине, лишившейся молодости и красоты, в китайском языке говорят *se shuai* (*цвет вылинял*), в русском — *красота поблекла*.

Связи *красоты и жизни* противопоставлено отношениям *смерти и красоты*. Смерть стирает с лица красоту. Как пишет В. В. Розанов: «Красивейший человек бывает в цветущий возраст (биологически) и в цветущую эпоху (исторически). Расцвет — это сила и красота. А старость и смерть всегда безобразны. Идеал эстетический совпал с биологическим» [4, с. 328]. Красота, которая не изменяется со смертью, кажется страшной:

В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами (Н. Гоголь. Вий).

3. Красота и страдание.

Обычно думают, что красота вызывает чувство удовольствия, наслаждения, несовместимые с созерцанием страдания [1, с. 19]. Но в романе «Идиот» Ф. М. Достоевский устами своего героя князя Мышкина рассуждает о совместимости *красоты и страдания*.

Взглянув на портрет Настасьи Филипповны, Мышкин восклицает: «*Удивительно Хороша!* <...> *На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина*». Вглядевшись в портрет, князь говорит: «*Удивительное лицо! — и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!*». Князь, отвечая на вопрос, почему он так высоко оценил красоту Настасьи Филипповны, говорит: «*В этом лице <...> страдания много*». Видно, Мышкин в своей оценке соединял красоту с нравственными свойствами.

Как считает Н. Д. Арутюнова, «следы страдания не лишают лицо красоты и даже делает его более значительным» [1, с. 20]. По мнению ученого, выражение на лице этически отрицательных черт характера или состояний, например, страха, хитрости, ненависти, а также сильных эмоций и реакций — смеха, хохота, рыданий, страсти и др. искажает лицо, лишая его привлекательности. Красота утрачивает целостность и гармонию [там же]. А наоборот, этически положительные черты (как доброта) и легкие эмоции (как улыбка, печаль) показывают выразительность и оттеняют красоту, например:

...лицо это, однако, пленяло какой-то неуловимой и непонятной прелестью, которая заключалась, может быть, в улыбке, может быть, в глубокой женственности всех черт, может быть, в пикантной, задорно-кокетливой мимике (Достоевский. Преступление и наказание).

В китайской литературе печальный плач, особенно молчаливый, украшает девушку, такой девичий плач сравнивается как *li hua dai yu* (*цветы груши с дождевыми каплями*).

4. Красота и гармония.

«Гармоничность» в качестве важного параметра красоты указывается в словарях. Красота предполагает целостное восприятие, гармонию целого. Иметь красивые ноги, нос или руки не значит быть красивым. А в народном представлении мало эстетических метафор человека в целом и, напротив, много метафор, дающих эстетическую оценку отдельным членам его тела, например: в русском языке *лебединая шея, коралловые губы, жемчужные зубы, мраморная кожа, волосы черные как агат* и др.; в китайском языке *yin tao xiao zui* (*маленький рот как вишня*), *chun ru hua ban* (*губы как лепестки*), *bi guo lian ou* (*руки как корни лотоса*), *qian qian yu zhi* (*тонкие пальцы как из нефрита*), *feng huan wu bin* (*ветреные волосы и туманные локоны*), *bing ji yu gu* (*кожа как изо льда, кости как из нефрита*) и т. п.

С другой стороны, незначительные изъяны не прикрывают целую красоту, не безобразят красивую женщину, например:

Если разбирать ее черты, она, несмотря на болезненный цвет лица, была красива (Л. Толстой. Анна Канерина).

В китайском языке это описывается как *xia bi yan yu* (*пятно не умаляет блеск нефрита*).

Наоборот, маленькие недостатки иногда придают девушке особенное очарование, ср.:

Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с подбородком, — единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность (Достоевский. Преступление и наказание).

Сегодня особенно мила и близка *девочка с веснушками, девчонка с соседнего двора*.

Здесь речь идет скорее о «земной» красоте, которую Чехов прекрасно описал в рассказе «Красавицы».

Прекрасного у нее были одни только белокурые, волнистые, густые волосы <...>, все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. <...> Но тем не менее девушка производила впечатление настоящей красавицы. <...> Глядя на нее, я мог убедиться, что русскому лицу для того, чтобы казаться прекрасным, нет надобности в строгой правильности черт. <...> Весь секрет и волшебство изящных движений, в улыбке, в игре лица, в быстрых взглядах на нас, в сочетании тонкой грации этих движений с молодостью, свежестью, с чистой душой, звучащей в смехе в голосе, и с той слабостью, которую мы так любим в детях, в птицах, в молодых оленях, в молодых деревьях.

А «небесная» красота — совершенная и строгая во всех деталях, не позволяет никакой «ошибки», ср.:

Красоту армяночки художник назвал бы классической и строгой. Это была именно та красота, созерцание которой, Бог весть откуда, вселяет в вас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту <...> (Чехов).

Гармония красоты в китайской культуре не ограничивается гармоничностью составляющих частей самого объекта эстетической оценки, более важна гармония человека (объекта эстетической оценки) с окружающим миром, с природой. Идея «гармонического единства человека и неба» в ценностных ориентациях китайской культуры выступает в качестве эстетического идеала. Природа и человек находятся в неразделимой цельности: красота природы и красота человека выражаются в равновесии и взаимонадаптации.

С одной стороны, в традиционной китайской эстетике природа рассматривается как одушевленная, обладающая духом. Эстетическое восприятие природы — это

обмен духа человека с духом природы, обусловленным объективными свойствами предметов и явлений. Эстеты видят в объектах природы дух и свойства человека. См. представители растительного мира *lan* (орхидея), *mei* (слива-мэйхуа), *zhu* (бамбук), *ju* (хризантема) обладают благородством и называются четырьмя благородными мужьями (*si jun zi*).

С другой стороны, человеческая внешность рассматривается как важнейшее творение природы. Сама природа является нормой красоты, и красота человека часто сравнивается с образами природы. Для всякого китайца хрестоматийным является образ красавицы *Линь Дайюй* из романа «Сон в красном тереме», которая, «*стоя, как изящный цветочек смотрит в воду, шагая, как слабая лозина плавает по ветру*».

5. Красота и сила.

Известно, что красивое привлекает, а безобразное отталкивает. Но ситуация осложняется, когда в эстетику вторгается этика.

Китайские эстетики считают, что красота многолика и по природе напоминает воду. Она неуловима и меняет свою форму вместе с вместилищем. Она то как ручей ласкает купающихся детей, то как лужа в пустыне спасает жизнь путешественнику, то как озеро при императорском дворце кокетничает с дворянами, то как море при буре штурмует моряков... Следует признать, что это суждение можно считать импрессионистическим, но оно адекватно отражает представление о *красоте* в китайской картине мира: сила красоты таится в изменчивой природе.

Красота то бывает хрупкая, уязвимая, то становится соблазном, отвлекающим человека с пути истины и отвлекающим от добра, то исцеляет сердце и даже может спасти мир. Здесь, по-видимому, является то, в каком «вместилище» находится красота.

Н. Д. Арутюнова указывает, что в мире духа эстетика неизбежно приходит в соприкосновение с этикой, и красота представляет собой наиболее противоречивый член Триады [1, с. 14]. По мнению ученого, существуют два противоположных идеала красоты — божественный и дьявольский. Они обладают силами перед людьми. Но силы это разные.

Образ Христа воплощает идеальное «положительно прекрасное лицо», которое прекрасно во всем. Духовная красота Христа должна была, по мысли и вере Достоевского, спасти мир. Судя по словарю В. Даля, *спасать* — значит ‘освобождать, выручать, оборонять, заступиться, подать помощь, избавить от беды’. Существуют два основных значения «спасения», спасение жизни (к примеру, спасение на водах) и спасение души, притом последнее как в религиозно-нравственном, так и просто в нравственно-моральном смысле. В приводимых Далем пословицах и поговорках народ говорит: *вера спасает; “Аминь” человека спасает; одно спасенье: пост да молитва; вольному воля, спасенному рай*.

Если внешняя красота и привлекательность вступает в противоречие с нравственным обликом человека, красота становится *демонической*, где прекрасное соприкасается со своим оппозитом — безобразным. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в демонической красоте человека прекрасная внешность соединилась со злом и пороками, необузданными страстями и сексуальной страстностью, жестокостью и агрессивностью, нарушающими гармонию внутреннего мира, но придающими этому типу красоты особую притягательную и властную силу. Ее воздействию трудно противостоять» [2, с. 490].

Двойственность красоты и ее воздействия на человека ярко выражена в известном монологе Дмитрия Карамазова: «*Красота — это страшная и ужасная вещь! <...> Страшная, потому что неопределима, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Красота! Перенести я притом не могу, что иной, даже высший сердцем человек и с*

умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе, не отрицает и идеала Мадонны. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце людей».

Рассмотрев разные философские размышления вокруг фразы “Красота спасет мир”, Леонид Столович пришел к выводу: Красота спасет мир, если мир спасет красоту. Спасать красоту — значит создавать новую красоту во сферах человеческой жизни [6, с. 240].

Сегодня фраза «Красота спасет мир» очень актуальна, и сила красоты проявляется уже в любви к красоте, непримиримо враждебной всему плохому:

Имеющий в руках цветы --

Плохого совершить не может (Владимир Солоухин).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
2. Арутюнова Н. Д. Мужчины и женщины: конкурс красоты // Weiner Slawistischer Almanach. 2002. Sbd.55.
3. Брагина Н. Г. Красота: энергия влечения и образ власти // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 487–503.
4. Розанов В. В. Мимолетное // Опыты: Литературно-философский ежегодник. М., 1990.
5. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстет. Аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
6. Столович Л. Н. Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999. 384 с.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT "BEAUTY" IN RUSSIAN AND CHINESE ART DISCOURSE

Li Hua

Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor
Shanghai University of Political Science and Law
No.7989, Wai Qing Song Road, Shanghai City, China (200333)
E-mail: h.hua@yandex.ru

The article considers beauty as a basic ethnocultural concept, the analysis of which is aimed at finding cultural connotations of this name in Russian and Chinese artistic discourse. The author believes that in various and individual discourses on beauty in Russian and Chinese literary texts there lurks a certain “logic”, which is characterized by national-determined philosophical understanding and ethno-cultural features, with which the popular idea of this understanding, which develops the understanding of beauty as basic linguocultural concept. The article highlights five, in the opinion of the author, important for understanding beauty as the aesthetic value of relationships: beauty and order, beauty and life, beauty and harmony, beauty and suffering, beauty and power.

Keywords: concept; beauty; artistic discourse; Russian literature; Chinese literature; order; life; harmony; suffering; power.